

БАБЬЕ ЛЕТО

В небольшой деревушке, раскинувшейся вдоль неширокой речки Татарки, женщина жила: среднего роста, кареглазая, светловолосая, с мягкими приятными чертами лица. Звали ее Мария Максимовна. Лет ей было немного - около тридцати. Уж так повелось на белом свете : не выскочишь вовремя замуж - век одной куковать.

Ее ладная, плотно сбитая фигура вызывала у односельчан восхищение. Особенно летом, когда она в хорошем настроении, распарившаяся и подобревшая, по субботам с веником в руках возвращалась из деревенской бани. Ее большие груди, не стесненные материей, упруго покачиваясь из стороны в сторону, манили взоры встречаемых мужчин. А некоторые из них, помоложе, даже останавливались и долго смотрели ей вслед. “Хороша, очень хороша, - пожирая глазами ее фигуру, говорили мужики и покачивали головами. - Прям царь-баба. Эх-да”... Мужики тяжело вздыхали и, почесав за ухом, медленно шли своей дорогой.

Жила Мария Максимовна со своей матушкой в небольшом стареньком домике на краю деревеньки. Ее мать, тихую пожилую женщину, не в пример дочери, все - от мала до велика, называли просто и уважительно - тетя Аня.

Тетя Аня бы пенсионеркой и нигде не работала, разве что лишь в страду помогала собирать с полей овощи да в сенокос ворошить сено.

Мария Максимовна работала дояркой. И хотя эта работа не располагала к полуночным гуляниям, не было в деревне другого человека, который бы летом позднее нее ложился спать. То после кино она медленно бродила по берегу Татарки, и, если было хорошее настроение, плавала в реке, раздеваясь донага, то просто сидела на скамеечке возле своего домика.

Душевного дружка у нее не было. Но она об этом не жалела, не расстраивалась. Да и откуда ему было взяться, если мальчишки, у которых едва пробивались петушиные усики, покидали родные места и куда-то уезжали. Был в деревне, правда, один паренек лет под пятьдесят, ни разу не женившийся, да что с того? Злые языки утверждали, что он боится баб и что у него что-то не работает.

Мария Максимовна этот счет не имела своего мнения: раз говорят - значит, так оно и есть. И встречая его на улице, она иногда пыталась внимательно заглянуть ему в глаза, но он поспешно опускал взор и переходил на противоположную сторону улицы.

И хотя годы однообразно текли и текли, не предвещая в будущем ничего определенного, Мария Максимовна не теряла с годами веселый нрав и хорошее настроение.

Правда, иногда, в порыве отчаяния, тетя Аня, пригласив дочь в свою комнатушку, со слезами на глазах начинала ее корить. “Дура, ты, дура, - говорила она. - Скажи мне, чем ты думаешь о своей жизни? Ты посмотри, у всех твоих ровесниц по два - три ребятенка, а ты, телка нестельная, о чем думаешь? О, господи, неужели мне так и не придется понянчить внучка?”

Дочь не обижалась на мать за такие слова и с улыбкой ее успокаивала: “Мам, хочешь, внучка принесу в подоле? Желающих у нас на это дело в деревне много. Или подождать “?

Эти слова выводили тетю Аню из себя. Она отворачивалась от дочери и, крестясь, тихо говорила: “Господи, прости мою дочь непутевую”.

Но не была Мария Максимовна дево́й нецелованной. Право, быть столь привлекательной и не заслужить горячий поцелуй парня...

Целовалась она, как и все ее подружки, со своими одноклассниками, да и потом, когда ей перевалило за двадцать с гаком, когда почти полностью иссяк поток женихов, когда на нее махнули рукой - не хочет она замуж! - у нее бывали приятные минуты.

А вначале, когда она закончила школу, сколько ей было сделано предложений! От хороших парней. Сватались односельчане, потом приезжали сваты из других деревень, да и ребята при галстуках из районного городка знавали дорогу к ее дому.

Но то ли не столь красивы были женихи, то ли ждала она своего единственного принца, то ли ей просто хотелось подольше пожить беззаботной жизнью, но своего согласия на замужество она никому не дала.

Постепенно поток женихов стал иссякать, и через несколько лет во всей округе об Марии Максимовне, как о потенциальной невесте, никто не упоминал. «Ну что, дуреха, довыбиралась? - со слезами на глазах укоряла матушка. - Что теперь делать будешь? Господи, неужто не придется посмотреть на внучка или внучку? Ведь мне помирать - то скоро, пора на вечный покой».

В такие минуты, когда мать заводила речь о своей близкой смерти, дочери становилось не по себе. Она, заботливая и нежная, садилась рядом с матушкой на мягкую кровать и долго гладила ее по голове. “Ничего, мама, не хорони себя раньше времени. Скажи, разве я уж такая никчемная да старая? Будут, конечно, будут у тебя внучата, поверь мне, - она мокрой от слез щекой прижималась к щеке матери. - Обещаю тебе - все у нас будет - и свадьба, и внучата. Только ты потерпи немного. Ладно, мама”?

Мать немного успокаивалась. Вытирая платком морщинистое лицо, тихо охала и ахала, с любовью глядя на дочь. “Уж скорей бы, Маруся.

Устала я от ожиданий. Совсем голова о твоей судьбе по ночам спать не дает. Да и годков мне немало, скоро и на покой надо”.

Дочь становилась перед матерью на колени и осыпала ее лицо поцелуями: “Мама, не говори о своей смерти, мне страшно.”

После таких разговоров они обычно долго плакали. Потом, немного успокоившись, вдвоем готовили неказистый ужин. В такие вечера Мария Максимовна не ходила в кино, не гуляла и непривычно рано ложилась спать.

Как-то ранней весной в деревню приехали шабашники, “черные”, как стали их называть местные жители.

Приезжие мужики были родом из теплых мест, и каждый из них носил аккуратненькие усики. Они были какими-то другими, эти мужики, совсем не похожие на местных. Их темпераментные непонятные слова и жесты, острые ножи-взгляды, детская непосредственность и большие- пребольшие фуражки-аэродромы в клеточку сразу вызвали в деревне уйму разговоров и пересудов.

Был среди них и один молодой черноокий парень по имени Оганез, которого Мария Максимовна заприметила, случайно встретив возле магазина. Он вежливо уступил ей дорогу и стал смотреть на нее такими глазами, что ей показалось, что они выскочат из орбит. Оганез долго-долго цокал языком, покачивая головой.

Впервые за последние годы Мария Максимовна поспешила домой, опустив голову.

Шабашники строили по договору с совхозом кирпичный клуб. Работали они крепко, с раннего утра до позднего вечера, без выходных, что вызывало недовольство у местных мужиков. “Ишь, что “черные” делают! Без праздников работают. А все почему? Потому как денежку длинную зашибают. Да за такие деньги мы бы отгрохали и не такой сарай. Но кто ж нам позволит”...

После той случайной встречи с Оганезом Мария Максимовна стала частенько прохаживаться мимо стройки, тщательно перед этим укладывая волосы и прихорашиваясь перед зеркалом. Но Оганез, проклятый Оганез, словно в воду канул, не попадался на глаза.

- Брось, дуреха, мимо “черных” шастаться, - стала корить тетя Аня. - Ты что думаешь, он холостой? Почитай, тут они все холостые, а дома у них не один десяток детишек по лавкам бегают. Они что? Клуб построят и уедут, а тебе оставаться. Как на тебя люди смотреть будут? Чтобы я тебя возле клуба больше не видала! Поняла?

- Поняла, мама. А я что? Я просто гуляю где хочу, - смеялась в ответ дочь.

Но тупая боль обиды на Оганеза не давала Марии Максимовне покоя, а громкие непонятные речи приезжих мужиков поздними вечерами все больше и больше бередили душу.

И только когда клуб был построен, Оганез уделил ей два вечера, прохаживаясь с нею по берегу речки.

После отъезда Оганеза Мария Максимовна резко изменилась: меньше стала смеяться и шутить, с меньшей тщательностью одеваться при походах в кино.

“Загрустила баба, - стали говорить о ней старушки. - А как же... Уж такая любовь с Оганезом была... Только больно короткая”.

“Все, конец нашей красавице, - решили мужики. - Теперь не выйди ей замуж. А ведь какая баба. Эх-да...”

Первое время Мария Максимовна с нетерпением ждала от Оганеза писем, но их все не было и не было, хотя он обещал писать часто-часто. Постепенно тупая боль, иссушив душу и утомив мысли, стала ослабевать, и вскоре смутный образ Оганеза полностью выветрился из ее памяти.

И вот пришла новая весна, которую она любила больше всех времен года.

Теплый влажный ветерок нежно порхал над обширными черноземными полями, перемешивая распластавшийся над землей белый туман, и далекое - близкое солнце уверяло зверье и людей - за длинную зиму жизнь не умерла. Рождается новая жизнь, спешите, спешите жить!

В один из таких дней пошла Мария Максимовна в магазин купить бутылочку вина. В магазине было много старушек. Устав от холодов и одиночества, они собирались здесь, чтобы насладиться компанией своих сверстниц и обсудить последние деревенские новости.

Мария Максимовна громко поздоровалась с ними, пробралась к прилавку, за которым полулежала пожилая продавщица, повела взглядом по полкам, заставленным немудреным товаром.

- Что хочешь купить? - медленно спросила продавщица.

- Нет ли у тебя хорошего вина?

- Марочного нет, а краснуха есть.

- Дай бутылочку.

Мария Максимовна рассчиталась, небрежно бросила бутылку вина в сумку и направилась к выходу.

- Ты куда, Мария Максимовна? - обратилась к ней одна из старушек.

- Пойди с нами, о жизни поговори.

- Да об чем - то говорить?

- Как тетя Аня? - опять спросила старушка.

_ Не спеши домой, побудь на людях, - поддержала вторая пожилая женщина.

Мария Максимовна вернулась к прилавку и поставила сумку на него. Наступила томительная тишина.

- Что-то давно не видела твою матушку, - вновь заговорила пожилая женщина. - Как себя она чувствует?

- Да нормально, спасибо. Да и куда ей ходить было в такие морозы, - ответила Мария Максимовна.

- Давненько таких холодов не было, - поддержала разговор третья старушка. - А все почему? Потому как люди обижают природу, не в свое дело лезут. Конечно, хозяевами стали. Знамо ли дело, в земле дырки глубят, в небеса устройства разные пускают.

- Сквозняки, что ли, всему виной? - перебила Мария Максимовна.

- И верно говорят: непутевая ты баба, - обиделась старушка. - С ней по - человечески говорят, сумлениями делятся, а она, как конь необъезженный, копытом об столб норовит ударить. И нечего зубоскалить, коли старшие с тобой разговаривают. Ишь, моду какую взяли - старших осмеивать.

- Да я ничего, - словно прося прощения, тихо произнесла Мария Максимовна. - Просто ненароком вырвалось, тетя Грунь.

- Слышь, Кузьминична, - вступила в разговор молчавшая доселе тетя Галя. - Мои - то что пишут. Помнишь, сразу после войны у меня гостила двоюродная сестра с маленьким мальчонком?

- Это какая же? - подалась всем телом Кузьминична.

- Да с Украины. Худющая такая.

- Эге, чем удивила. Мы все после войны на тень похожи были. Хоть убей меня, не помню. И чего в письме том прописала тебе?

- Так вот, нашла она своего мужа. И у ребетенка отец опять же появился.

- А где ж столько лет пропадал, ведь война, чай, не вчера кончилась? - спросила Кузьминична.

- Да уж нашлись добрые люди, подсказали, где искать...

- Не томи душу, говори, Галина! - с явным нетерпением попросила продавщица. - Аль в плену был?

- Поехала она в областной город, как ей подсказали, нашла там дом инвалидов войны. Ну там, где всякие раненые и увечные после войны проживают. Кто сильно пострадал от увечий, кто просто не хочет домой в таком виде появляться. Разные там люди. А у некоторых-то и родственников совсем нет, потому и остались в доме том жить.

- Ну и что дальше? - опять спросила продавщица.

- Дак что... Нашла в том доме инвалидов своего суженого. Совсем домой не хотел возвращаться в силу своей инвалидности. Без ноги он, бедняга. Но потом, после разговоров с женой, уступил просьбам жены и мальчонки и согласился.

- А теперича как у нее дела? - спросила Кузьминична.

- Анадьсь еще и девочку родили, уж скоро три года ей будет.

Наступила тишина. Старушки, отворачиваясь, вытирали мокрые глаза, радуясь в душе за счастливую женщину.

- Ну счастливо вам оставаться. Пойду я, - словно прося прощения, медленно произнесла Мария Максимовна и направилась к выходу.

- Тете Ане привет передавай. Пушай теперь на людях появляется, - попросила тетя Галя.

- Спасибо, обязательно передам.

- Ты куда это ходила? - спросила тетя Аня, когда дочь вошла в дом.

- В магазин, винишка купила нам на вечер, - ответила дочь.

Вдвоем они не спеша накрыли на кухне немудреный стол. Стараясь растянуть удовольствие, женщины подолгу критическим взглядом осматривали стол, изредка передвигая тарелочки по столу.

- Вот, вроде бы, и все, мам.

- Ты стопочки принесла? - спросила мать.

- Принесла, принесла. Садись за стол, не мешайся под ногами.

Тетя Аня уселась на своей табуретке и, явно любуясь дочерью, украдкой посматривала на нее.

- Все, мама, начали!

Мария Максимовна откупорила бутылку вина и наполнила маленькие стопочки:

- Давай, мам, за нас с тобой!

- Давай за нас, дочка.

Женщины выпили.

- Ты закусывай, мам. Оно ведь вино какое - сначала бы вроде ничего, а потом хмель одолеет.

- Да я уж и так закусываю, дочка.

И потекло в мирной беседе быстрое время. Женщины даже не заметили, как наступил вечер. Дочь встала с табуретки и включила свет. И неожиданно для себя расплакалась навзрыд, присев на край стула.

- Дочка, что с тобой? - всполошилась мать. - Что с тобою, родная?

- Не знаю, мама, сама не знаю. Тоскливо как-то на душе.

- Это бывает, дочка, - успокоилась мать. - Поплачь немного, оно и полегчает на душе.

- И почему я такая несчастливая? - сморкаясь в платочек, причитала дочь. - И руки есть, и голова на месте...

- У каждого своя судьба, дочка. От нее никуда не уйдешь.

- Знаешь, мама, мне так порой не хочется жить... А как хочется быть счастливой, мужа с ребеночком иметь.

- Я тебе об этом давно говорю, что замуж выходить надо. А ты все выбирала. И чего выбирала? Чай, женихов много было.

- Сама не знаю. Думала, что жених - это что-то необычное, как волшебство, что ли. По любви прийти должен.

- Да ты и сейчас многим нравишься, дурочка. Просто в деревне парней твоего возраста нет.

- И чем я хуже других? - не могла успокоиться дочь. - Неужто век одной жить?

- Ты не хуже других, просто твоя планида такая. Ты бы в город съездила, по базару походила. Баба ты видная, может, с кем и познакомишься.

- Нет, мам, я так не могу, - снова запричитала дочь.

- Да знаю я, знаю. Дюже совестливая ты у меня. Однако кончай нюни распускать, иди во двор развейся, а я пока со стола приберу да пойду спать. Устала я сегодня.

После этого разговора Мария Максимовна все чаще и чаще стала задумываться о своей неудавшейся жизни. И все, что предлагали ее воспаленные мысли, что крутилось у нее в голове, - все сводилось к одному - надо съездить в областной город и узнать адрес дома инвалидов.

Но это хорошо сказать - съездить. А где взять адрес того дома? Да и не это самое главное, конечно же, нет! С какими глазами она придет в тот дом, что говорить будет? “Этого, мол, мужика мне не надо, подберите другого”? Да и захочет кто-либо к ней ехать. А как его, мужика, пригласить? “Что, мол, женись на мне?” А что ж ты до тридцати лет замуж не вышла? Нет, тут думать надо, много думать.

И Мария Максимовна полностью ушла в свои тягостные раздумья. На работе и дома воспаленные мысли не давали ей покоя, и спустя некоторое время она твердо решилась на поездку в районный город.

- Ты, дочка, посмотри в магазинах, нет ли там материи какой. Да и лампочек купить не забудь, а то в нашем магазине их нету, - словно не догадываясь о цели поездки дочери, попросила мать.

- Хорошо, мам, посмотрю.

На попутной машине она рано утром уехала в город.

- Тебе куда? - при въезде в город спросил шофер, получивший звонкую оплеуху за попытку немного потискать ее в дороге.

- К базару.

Мария Максимовна долго ходила по рынку, изредка приглядываясь и прицениваясь к ненужным товарам, потому как все ее мысли были заняты одним: “Ты в городе, о чем ты много мечтала. Что дальше? Как найти адрес того дома? Конечно же, на почте. Ну хорошо, дуреха, сейчас тебе стыдно об этом спросить кого-либо, а что дальше? Опять ночами не спать и планы на песке речном строить? Нет, только сейчас, только сегодня или никогда”!

Опустив глаза, словно во сне она поднялась на ступеньки почты. Спотыкаясь, вошла в помещение. Скрипнувшая дверь отвлекла от дел

мужчину, который, увидев ее, повернулся к ней лицом и спросил: “Вы ко мне, гражданочка”?

“Почтальон, - догадалась она. - Он поможет”.

- Чем я могу вам помочь? - спросил мужчина, с интересом рассматривая взглядом засмущавшуюся молодую женщину.

- Может быть, - едва слышно ответил она.

- Не может быть, а точно я вам, гражданочка, помогу. Только вы скажите, что я сделать должен?

- Мне нужно узнать один адрес ...

- Какой адрес? Да вы не волнуйтесь, я же не кусаюсь.

- Дом инвалидов войны в нашем областном городе, - не поднимая головы, ответила она.

- Охотно помогу вам, гражданочка. Пройдемте в этот кабинет.

Он отворил дверь, пропустил ее вперед и спросил :

- Скажите, а зачем вам этот адрес? У вас там кто-то живет?

- Да, двоюродный дядя, - соврала она, покраснев до ушей.

- И что же, вам не пишет?

- Перестал писать письма. Уже больше года. А адрес мы потеряли.

- Вы садитесь, отдохните, пока я буду адрес изыскивать.

Она села на край стула. Ей было стыдно за свое вранье, но уйти сил не было.

Почтальон долго копался в каких-то книжках. Потом взял лист бумаги и медленно написал что-то на нем.

- Пожалуйста, вот ваш адрес.

- Большое вам спасибо, - едва различая мужчину, тихо поблагодарила Мария Максимовна. - Сколько с меня за труды?

- Пустое, гражданочка, совсем пустое. Ровным счетом ничего. Вы заходите, если что вам потребуется.

- До свидания, - торопливо попрощалась она и вышла на улицу.

“Интересная, весьма интересная бабенка. Все, абсолютно все при ней, - размышлял почтальон после ее ухода. - Однако зачем ей потребовался адрес дома инвалидов? Нет, здесь что-то не так. Неужто сама в город поедет? Не думаю, уж больно скромна. Наверняка письмецо напишет. Весьма недурно было бы почитать ее послание”.

А у Марии Максимовны словно камень упал с души. Довольная собою, она словно птаха порхала по улицам городишка. Встречный ветер нежно теребил густые волосы и мягко гладил ее по лицу, безуспешно пытаясь разогнать прильнувшую к нему горячую кровь, шелестел юбкою и светлой кофточкой. Как по команде невидимого начальника, молодые мужики, словно по эстафете, передавали ее друг другу, подолгу задерживая на ней свои взгляды.

- Ну как съездила, дочка? - спросила матушка, когда она, уставшая, но довольная собой, вернулась домой. - Что-нибудь прикупила?

- Нет, мам, ничего не купила, разве лишь шоколадных конфет.

Она переоделась и вышла во двор, присела на скамейку, полная сомнений в правильности совершенного поступка. В душе она благодарила себя за свою решительность, но и большие сомнения одолевали. “Ты что, как уличная девка, готова броситься на шею первому попавшемуся мужику на шею”? Но второй голос, более решительный, уверял ее: “Молодец, Маша. А что касается сомнений - так что плохо в твоём поступке? Ты молодая, здоровая женщина, хочешь иметь нормальную семью. И не так уж велика твоя вина, что долго засиделась в девках. Очень может быть, что найдется в том доме человек относительно молодой, не потерявший интерес к жизни. Поженитесь, заживете ладно, детишки пойдут. Что здесь плохого? Боишься, что люди засмеют, что инвалида нашла? Но скалозубов везде хватает. Молодец, Маша, теперь вот только в областной город съездить надо. И не откладывай это дело в долгий ящик, договорились”?

Мария Максимовна, словно во сне, кивнула своим мыслям в знак согласия и улыбнулась.

- Дочка, ты где? - послышался голос матери.

- Я тут, мам.

- Все о поездке думаешь? - мать присела рядом. - Ты бы с матерью мыслями поделилась, дочка.

- Узнала в городе адрес дома инвалидов войны. Говорят, там живут и довольно молодые мужики, не слишком увечные.

- А зачем тебе адрес того дома? – всполошилась мать.

- Знаешь, мам, может кто-нибудь из них захочет на мне жениться, - медленно ответила дочь. - Только вот что делать дальше - не знаю. Боюсь я ехать в тот дом, стыдно мне. Ну, приеду, найду тот дом, а дальше что?

- А ты письмо напиши, дуреха! Так, мол, и так. Дело-то житейское! Карточку свою приложи. Поняла?

- И чтобы я без тебя делала? - дочь радостно рассмеялась и поцеловала мать в щеку.

- Своим умом жить будешь, - стараясь говорить грубо, сказала довольная мать. _ Если уж взялась за дело, то доводи его до конца.

В тот вечер они рано поужинали. Матушка легла спать, и спустя полчаса из ее комнаты стал доноситься негромкий, с посвистыванием, храп.

Мария Максимовна сидела за столом на кухне. Перед нею лежала школьная тетрадь в линейку.

Она много раз принималась за письмо, но снова и снова вырывала из тетради испорченные листы. Что писать, с чего начать - она не знала. И все больше и больше она стала сомневаться, что сможет когда-либо внятно и доходчиво написать свое письмо.

После долгих раздумий, стараясь красиво выводить буквы, она принялась за послание.

“Добрый день или добрый вечер, товарищ начальник!

Пишет Вам относительно молодая, а мне тридцать два года, женщина. Пишу вам по интимному вопросу, поэтому прошу не удивляться моей просьбе и дочитать письмо до конца. Я живу в деревне со своей матушкой. Замужем я не была, хотя сватались ко мне много раз. Почему не вышла замуж? Теперь сама не знаю. Я работаю дояркой, поэтому на жизнь нам с мамой вполне хватает. А теперь по существу моего письма. Ежели вы пожилой и добрый человек, во что я очень верю, то вы поймете, как трудно мне изложить на бумаге свое необычную просьбу, и поможете мне.

Я слышала, что в вашем доме проживают раненые и увечные мужики. Прошу вас, аккуратно узнайте, не хочет ли кто из относительно молодых мужчин жениться на мне? Пусть он будет хоть без руки или без ноги - мне это не важно, лишь бы человек был хороший! Письмо мое никому не показывайте, просто поговорите с мужчинами по отдельности, без ссылок на мое письмо. К нему прикладываю свою фото, здесь мне 30 лет.

С наилучшими пожеланиями, жду ответа как соловей лета.

Мой адрес...”

Он несколько раз вслух медленно перечитала письмо. Довольная, что в нескольких строках описала свою судьбу и ясно изложила свою просьбу, она быстро засунула послание в конверт и заклеила его.

Опустить письмо в деревне она не решилась - если узнают о содержании письма - засмеют же! На следующий день она на попутной машине съездила в районный городишко, где и опустила конверт в почтовый ящик.

Покатились, помчались жаркие летние денечки, похожие один на другой. Отлогие берега речки Татарки днем были усыпаны телами детворы, приехавшей на каникулы. И только поздними вечерами, когда становилось тихо и безлюдно, к реке приходила Мария Максимовна. Посидев на бережку, она раздевалась догола и долго-долго, тихо охая и ахая, купалась в теплой воде.

Первое время после отправки письма она ходила сама не своя: то опять корила себя за опрометчивый поступок, то, наоборот, ночами, лежа на мокрой подушке и все более и более распаяя душу шальными мыслями, хвалила себя за решительный поступок.

Но время летело, а ничего не менялось. Никто не приехал, никто не ответил на ее послание.. Да и было ли оно? И постепенно мысли о приезде жениха стали ослабевать, стали приходить на ум все реже и реже, а вскоре она даже забыла, что когда-то она написала несколько странноватое письмо.

- Вставай, дочка, на работу пора, - ласково разбудила мать. - Уж солнце встает.

- Доброе утро, мама. - Дочь присела на кровати, потянулась телом. - Какой сон видала...

- Ты умывайся, а я пока завтрак приготовлю. За столом все и расскажешь.

Спустя несколько минут женщины сидели за столом.

- Говори твой сон, дочка.

- Вроде бы посватался ко мне один мужик. Я согласилась. А потом была свадьба. Народу - уйма. Все были веселые, нарядные. Так хорошо было, только вот когда поехали в сельсовет - то у машины заднее колесо лопнуло. И тут ты меня разбудила.

- Мужик-то какой был?

- Чернявый такой.

- Не Оганез ли твой?

- Нет, другой. Только вот лицо его запомнить не сумела.

- Ну ладно, собирайся на работу, а я тут сама приберу, - мягко произнесла мать, а про себя подумала: "Замуж тебе пора, дочка".

День пролетел незаметно. Уставшая возвращалась Мария Максимовна вечером домой. Уставшая и довольная жизнью. Да и почему быть недовольной своей жизнью? Плачи или веселись, все едино время резво бежит, так уж лучше жить весело, нежели тоскливо.

Приятная усталость отзывалась во всем теле. Даже крепкие, сильные ноги немного гудели от усталости да поясница немного побаливала при ходьбе.

- Простите, вы Мария Максимовна? - поднялся со скамейки возле ее дома незнакомый мужик в военной форме.

- Я, - словно в глубоком сне ответила она, ничего не понимая. - А вы кто будете?

- Видите ли, я приехал по вашему письму, - чернявый мужчина правой рукой достал из кармана гимнастерки ее фотографию. Левый рукав рубашки был заправлен под ремень.

Земля заходила у нее под ногами: "Жених приехал, жених приехал".

Незнакомец попытался правой рукой подвести ее к скамейке, проговорив тихим голосом: "Что с вами? Вам плохо"?

- Спасибо, - ответила она. - Просто я очень устала.

Спустя полчаса они все трое - Мария Максимовна, тетя Аня и гость, сидели за обильно сервированным столом.

Мария Максимовна сидела молча, лишь изредка вступая в разговор, который вели тетя Аня и приезжий мужчина.

Мужчина наполнил маленькие стопки красным вином:

- За знакомство!

Все выпили.

- Ну так дальше - то что? - спросила тетя Аня.

- А что дальше... Вызвал меня начальник дома и завел непонятный для меня разговор, то да се, как живу, какие планы. А какие у меня могут быть планы, верно? Я и говорю ему, что жизнью доволен. А генерал потом достает из стола фотографию, издали мне ее показал да говорит: "Нравится, Федор"? Что я мог ему сказать в ответ? Конечно, нравится, говорю. Взял я фотографию Марии Максимовны, это я потом узнал, что ее так зовут, а у самого сердце застучало как паровоз. Ведь что ни говори, а одичали мы в том доме, как пить дать. Генерал смотрит на меня испытующе да молчит. Можно закурить? - говорю. Закурил, а сам никак в толк взять не могу - зачем он мне фотографию показывает да длительно молчит? Помолчали мы долго, а потом генерал этак и говорит серьезно: "Ты, Федор, мужик молодой, но душой и телом обленился. Хватит тебе, Федор, в старика играть, здесь прозябая. Возвращайся к активной жизни, ты не калека какая-нибудь хвора. Подумаешь, руки нет. Дак что с того? Парень ты молодой, поезжай вот к этой красавице этой да и живите душа в душу. Глядишь, со временем и детки по лавкам бегать без устали будут. Вот и будет вам радость к старости вашей, Федор. Нравится она тебе"? А что я могу ему ответить? Ведь этими вопросами он меня от привычной жизни отвлекает, на другие жизненные рельсы ставить пытается. Тут рубашку поменять - и то решительность требуется. А в таком важном жизненном вопросе полное осмысление требуется. Взял я у генерала день на раздумье, но прошло часа полтора после нашего с ним разговора, как я снова к нему в дверь. Согласен, говорю. Ударили мы с ним по рукам, написал он мне на листочке бумажном адрес ваш, и вот я пред вашими очами. Правда, перед отъездом мы с ним договорились, что ежели я не понравлюсь Марии, или она мне в практической жизни разонравится, то я вправе в дом тот вернуться даже среди ночи. "Вправе ты, Федор, вернуться сюда, ежели семейная жизнь у Вас с Марией не заладится. А ежели надумаете с Машей пожениться - дашь мне телеграмму, я и вышлю твои документы", - закончил наш разговор генерал.

Мария Максимовна украдкой поглядывала на Федора, не решаясь задать какой-либо вопрос.

- Федь, а дочка моя тебе нравится? - после паузы спросила тетя Аня.

- Мама, что ты говоришь! - вспыхнула дочь.

- Я и спрашиваю его, нравишься ли ты ему.

- Если бы не нравилась - разве приехал бы сюда? - искренне удивился Федор. - Очень понравилась, как на духу говорю.

Наступила томительная тишина.

- Закурить - то можно? - вежливо спросил Федор.

- Да кури, чего уж тут, - разрешила тетя Аня. - А руку, говоришь, на войне потерял?

- Да, на войне, в самом конце. Молодым был, потому по дураости и потерял руку. Бог с ней, рукой-то, главное - сам жив остался. В разведке дело было, где меня и ранило проникающей пулей в кость, пока к своим возвращались из похода в тыл к немцам. Врачи посмотрели и говорят, что есть признаки гангрены. Вот и отрезали руку в госпитале.

- Нас - то быстро нашел? - отважилась на вопрос Мария Максимовна.

- Для разведчика заблудиться в деревне - это несерьезно. Спросил у людей, где живут такие-то, они и показали на ваш дом.

- А родом - то ты откель? - спросила тетя Аня.

- Из-под Одессы. Правда, родственников никого в живых не осталось - кто в плену пропал, кто во время войны погиб. Царство им небесное. Потому теперь я на белом свете как перст один.

- Потому - то вас из дома того и никуда не тянуло, - заключила Мария Максимовна.

- Да и привычка, куда от нее? Кормежка нормальная, работенка не пыльная, мужицкая кампания, что еще надо? Правда, так я думал до того разговора с генералом, при котором он фотографию Марии показал. Потом, конечно, другое дело, другие понятия о жизни я заимел.

- Ты бы еще выпил, Федор, да нам налил за встречу нашу, - попросила тетя Аня.

- Будет сделано! - игриво ответил мужчина, разливая вино. - Давайте за нашу встречу повторно!

Проходившие мимо дома односельчане через открытое окно долго рассматривали незнакомца - средних лет мужика с черными кудрями.

- Утро вечера мудренее, - сказала тетя Аня. - Завтра Марии на работу, потому надо посиделки заканчивать.

- Спасибо за теплый прием и оказанное доверие, - вылезая из-за стола, поблагодарил Федор.

- Вы бы пошли на улицу, пока я тут приберу со стола, - сказала тетя Аня.

- Я помогу тебе, мама.

- Иди займи гостя, покажи наши владения.

Мария Максимовна нехотя вышла во двор.

- Пойдем за калитку, - предложил Федор. - Хорошо-то как!

- Пошли, - согласилась она.

- Спасибо тебе, Маша, за все спасибо.

- За что? - удивилась она.

- За все. И что меня не выгнала, и что сама такая красивая.

Мария Максимовна подошла к Федору, заглянула в глаза и тихо спросила:

- Я тебе, правда, нравлюсь?

- Мария... Да я после этой встречи только жить начинаю. Конечно, очень нравишься.

Федор попытался привлечь Марию и поцеловать. Но та, словно пугливая птаха, вывернулась из объятий:

- Ты что, Федя?

- Я поцеловать тебя хочу, Маша.

- Еще чего! Только в доме появился и уже руки распускаешь. Могу и выгнать, ежели безобразничать будешь.

- Где вы? - из дома раздался голос тети Ани.

- Ты подожди тут, а я с мамой поговорю, ладно?

- Какие вопросы, глядя на ночь.

Мария Максимовна вошла в дом:

- Mam, где ему постелить?

- На сеновале, а мы с тобой в доме. Отнеси ему постель. Пушай с дороги подольше утром поспит.

Летняя ночь упала на землю. Было тихо, и только издали доносился ленивый лай собаки, нарушая плотную тишину, да далекие яркие звезды равнодушно смотрели с небосклона. Прогретая жарким солнцем теперь белым паром дымилась спящая река.

Федор курил, лежа на спине и перебирая в памяти вечерний разговор.

Еле слышно скрипнула дверь избы. Федор приподнялся на локоть, погасил сигарету.

- Ты не замерзаешь тут? - спросила Мария Максимовна, неслышно подобравшаяся к нему. - Могу что-то теплое принести.

- Замерзаю, - тихо ответил Федор.

- Правда?

- Шучу, Маша, шучу. Залезай ко мне.

- Зачем?

- О нашей жизни поговорим.

- Это потом, Федя.

Она также неслышно скрылась в доме, лишив сна Федора до утра.

- Говорят, к тебе кто-то приехал, - спросила тетка Марфа, когда Мария Максимовна утром появилась на ферме. - Али брешут?

- Кто говорит? Никто ко мне не приехал.

- Не темни. Посмотри на себя, глаза как угольки блестят. Ишь чего надумала - тайну в деревне утаит. Говори, кто приехал?

- Дальний родственник. На недельку.

- Пусть повезет тебе с этим человеком.

- Спасибо. Только еще ничего неизвестно.

- А ты не торопись с решениями, подумай хорошенько, может, и станет твой родственник твоим мужем. Верно?

- Все может быть. Только ты никому ни слова, ладно?

- Да благословит тебя бог!

К полудню вся деревня обсуждала приезжего мужика. Толпою и поодиночке жители деревни как бы ненароком стали прохаживаться мимо дома тети Ани, заглядывая через невысокий забор.

- Ты бы, Федя, на улицу вышел, удовлетворил людское любопытство, - предложила за обедом тетя Аня.

- Не ходи, Феденька, пусть понервничают. Вот пойдем вечером в кино, пусть тогда и смотрят, - разрешила спор Мария Максимовна.

- Вечером - так вечером, - покорно согласился Федор. - Только вот неудобно без парадного пиджака на людях показываться.

- Не одежда красит человека, а что? - игриво спросила Мария Максимовна.

- Это точно. А какое сегодня кино?

- "Свадьба в Малиновке". Комедия.

- Комедию я люблю смотреть. А вы, мамаш, - обратился он к тете Ане, - с нами пойдете?

- Я свое отглядела. Без меня ходите.

Весть о том, что Мария Максимовна привела в клуб мужика, мгновенно облетела деревню. Небольшой клуб не мог разместить всех пришедших - люди стояли вдоль стен, толпились в проходах, мужики курили возле крыльца.

А самой счастливой была она, Мария Максимовна. Стройная, в светлом, облегающем точеную фигуру, платье, в светлых туфлях на больших каблуках, с высокой прической, бережно держа Федора под руку, она царски несла фигуру, глядя строго вперед, лишь легким кивком головы отвечая на приветствия сельчан. Ошалевшие от видения земной красавицы, мужики потеряли дар речи, стараясь отвернуться при ее приближении. И только бабы глядели на нее во все глаза, словно впервые увидели неземное творение.

Выстиранная и выглаженная старая гимнастерка Федора подчеркивала изысканный стиль одежды хозяйки, а коренастый, среднего роста, с черными кудрявыми волосами, мужчина служил оттеняющим фоном для сошедшей с небес неземной красавицы.

"Царица, истинная царица", - раздавались отовсюду женские голоса.

И только мужики, безуспешно пытаясь оторвать от нее свои взгляды, не могли понять, как же они столь много лет были слепыми? А двое из них, женившиеся лет пять назад, плюнули через левое плечо и пошли сообразить на троих с горя.

Минул день, прошел второй.

- Все хватит мне сиднем сидеть, - заявил Федор за ужином. - Пора делом заняться.

- Каким, Федя? - спросила тетя Аня.

- Вот калитку отремонтирую, совсем на бок легла.

- Нет в доме мужской руки, вот и рушится хозяйство.
- Да и крышу надо будет к осени перекрывать.
- Ты бы еще чуток отдохнул, Федя, - вступила в разговор Мария Максимовна. - Работы на твоей век хватит.
- Да и в город съездить нужно, телеграмму отбить генералу надо, - напомнил Федор.
- И то правда, - согласилась тетя Аня. - Уж мысли о свадьбе заводим, а о главном, о документах, позабыли.
- На том и порешим, - подвел черту разговору Федор. - Завтра сгоняю в город, отобью генералу телеграмму, а потом и будем жить поэтапно.

Поздним вечером Мария Максимовна, вдоволь накупавшись, долго сидела на скамеечке возле своего дома. Федор курил на сеновале, ее дожидаясь.

- Тебе не холодно тут? - спросила она, подойдя к нему.
- Очень холодно без тебя, - ответил он. - Залезай сюда.
- Зачем? - игриво спросила она.
- Поговорим о жизни.

Едва она забралась на сеновал, он тотчас же повалил ее на спину и жадно стал целовать. Его рука стала быстро шарить по ее фигуре.

- погоди, Федя, я помогу тебе, - жарко дыша ему в лицо, прошептала она. - Не торопись, Феденька.

Вокруг было тихо и безлюдно, и только далекие насмешливые звезды тихо перешептывались на далеком небосклоне да степенная луна от явного смущенья спряталась за одинокое облачко. Прогретая днем жарким солнцем теплым молоком теперь дымилась спящая река.

Внезапно проснувшийся природный инстинкт заставил молодую женщину в мимолетней сладостной, до боли в организме, истоме принять мужской заказ на продолжение рода человеческого.

Рано утром Федор на попутной машине уехал в город.

- Останови у рынка, - попросил он шофера.

Федор в прекрасном настроении зашел в привокзальную столовую и залпом выпил две кружки теплого пива. Захотелось курить. Он вышел из помещения, закурил, разглядывая прохожих женщин. "Моя Мария лучше этих, - пришел он к заключению. - Однако пора и дело знать".

На автобусе он проехал несколько остановок, на нужной вышел, в ларьке купил немного дешевых конфет, закурил и направился к приземистому деревянному домику.

- Никак Федюньчик заявился! - радостно поприветствовал его хозяин дома, сидевший в тени под деревьями. - Какие люди и без охраны!

- Здорово, Петро, - поздоровался с ним Федор. - Мои как тут?

- А что с ними может быть? Все нормально. Детишки растут, только твоя радость уж больно злая стала в последние дни. Хотела даже к тебе ехать, чтобы от залетной отцепить.

- Папа приехал, папа приехал! - с радостными криками выбежали из дома две девочки. - Где ты был?

- В командировке был ваш папа, - заржал хозяин дома.

- А ты больше туда не поедешь? - спросила одно из девочек.

- Это как получится, как ваша мамка прикажет, - ответил отец. - Возьмите мой подарок. - Он протянул им конфеты.

- А, муженек явился - не запылится, - из дома вышла неопределенных лет женщина в грязном халате. - Уж больно долго, сокол ты наш, в гостях отдыхаешь.

- Да вот и приехал я, как договаривались изначально.

Женщина подошла к Федору вплотную:

- Говори прямо: ты спишь с ней или нет?

- О чем ты говоришь, Настя? Я ж не за этим туда ездил.

- Ладно, об этом потом поговорим. Дети, марш гулять!

Спустя некоторое время в саду, под тенистым деревом, был накрыт стол: легкая закуска, бутылка водки.

- Рассказывай все по порядку, Федя, - разливая водку, попросил Петр. - Как приняли, что они за люди?

- Приняли нормально, я так понял, что моей легенде поверили. А люди они, по-моему, даже очень хорошие.

- Значит, это мы плохие? - цыкнула на мужа Настя.

- Ну зачем ты так, Настя? Я же ведь выполнил твое поручение.

- Не мое, а Петра.

- Я - то здесь при чем? - удивился Петр. - Я просто прочитал вам ее письмо, а ты, Настя, сказала, что ежели Федор без руки - то может сойти за жениха и денежек раздобыть. Говорила или нет?

- Ну, говорила.

Они выпили.

- Значит, они тебя приняли за серьезного жениха? - снова спросил Петр.

- Да, вне всякого сомнения.

- В доме у них что-нибудь хорошее есть? - задала вопрос жена.

- Как у всех. А так ничего лишнего.

- А спишь ты где? - опять спросила жена.

- На сеновале, а женщины в доме.

- Ты, Настя, не ругай Федора. Не по своей воле он решил временно поджениться, а твою команду он выполнял - ради денег пошел он на обман. "К школе надо старшенькую приодеть, а младшей тоже что-то надо купить". Твои слова?

- Мои. Я не думала, что это все так серьезно.

Мужики закурили.

- У тебя, Федор, остался один день. Уже билеты на поезд купили, - нарушил тишину Петр. - Так что послезавтра ты должен быть тут, и никак иначе. Понял? Лучше, конечно, с деньгами.

- Да нет у них денег. Откуда деньги у двух женщин?

- Сколько найдешь, столько и принесешь, - успокоил Петр. - Ведь не даром же ты был женихом? - снова рассмеялся Петр.

- Если ты такой умный, сам бы и пошел к ним, - тихо произнес Федор.

- Мне нельзя, меня многие в городе знают. Как почтальона. А так бы, конечно...

- Я тебе прямо говорю - без денег сюда не приходи! - жестко произнесла Настя. - В дом не пушу. Кто же, как не ты, за мои моральные издержки платить должен? Понял? И не улыбайся, черт однурукий.

- Давай по последней, - предложил Петр. - Ты когда планируешь к ним возвращаться?

- К вечеру.

- Нечего время тянуть, иди прямо сейчас, с глаз долой убирайся, - зло произнесла жена. - А без денег в дом не пушу.

- Ты, Федор, о детишках думать должен, садовая голова, - сказал Петр, когда мужчины встали из-за стола. - Мария - это, конечно, хорошо, но ведь детишки - это важнее.

- Оно, конечно, о детишках думать надо. Если бы не они ...

- Выбрось дурные мысли из головы, Федя. Ты подумай: отдохнул немного, молодость вспомнил - разве плохо? Да если хочешь знать, я бы и сам не против поджениться на Маше. Честно говорю. Но нельзя, дружище, нельзя. Потому и завидую тебе ежечасно.

- Ладно, так и быть, собирай к своей куме, - подошла к ним Настя. - А послезавтра чтобы к обеду пришел. Повторяю - без денег не приходи, потому как в дом не пушу.

- Позови детишек, - попросил Федор.

Отец поцеловал дочек, чмокнул в щеку жену и за руку попрощался с Петром:

- Ждите меня послезавтра к обеду!

На условленном месте, возле рынка, он дождался попутную машину, на которой утром приехал в город.

В деревню он возвращался мрачным и с головной болью. На душе скребли кошки, и порою ему было обидно за свою неудавшуюся жизнь. Что делать, как поступить - он не знал. И проведенные вместе с Машей несколько дней перевернули его жизнь - оказывается, можно жить, радуясь жизни. "Да, если бы не было детишек... Женился бы на Маше, а

так что делать? Ежели, скажем, даже останусь, Настя придет да скандал устроит - позору не оберешься”.

- Ну, как, Феденька, съездил в город? Отбил телеграмму генералу? - спросила его тетя Аня, когда он вошел в дом.

- Отбил, обязательно отбил. Только вот с непривычки чтой-то голова разболелась.

- А ты испей молочка холодненького да полежи с дороги, пока дочка с работы придет.

И только поздним вечером жаркими поцелуями Мария Максимовна вернула Федора к жизни.

- Эх, Маша, любовь моя настоящая, как тяжело на душе у меня, - со вздохом произнес он. - А что делать - сам не знаю.

- А ты не думай о плохом, Федя! Вот придут твои документы, поедem в загс и распишемся. Или ты меня не любишь, Феденька?

- Понимаешь, Маша, мне много тебе сказать надо...

- Потом, Федя, потом. Разве нам сейчас нечем заняться, как только разговоры говорить? Разговаривать будем днем, а сейчас мы с тобой вдвоем, что нам мешает друг другом тешиться и любоваться?

И снова далекие звезды да стыдливая луна были немymi свидетелями любовной игры помолодевших людей.

- Что я хочу сказать вам, - начал разговор Федор за завтраком. - Вчера я проходил мимо складов. Вот я и предлагаю, мои женщины, - а не купить ли нам леса?

- Зачем, Федя? - спросила тетя Аня.

- Весною дом новый ставить будем.

- А что, мам, это хорошая мысль, - поддержала Федора Мария Максимовна. - У всех дома новые. Чем мы хуже других?

- Для постройки дома много денег надо, а где их взять? - вздохнула тетя Аня.

- А в сундуке, мам, разве нет денегат? - спросила дочь.

- Вы люди молодые, делайте, что хотите.

Наступила неловкая пауза. Федор закурил, потом тихо сказал:

- Я понимаю, мои документы еще не пришли, поэтому верить мне опасно. Я и не настаиваю, я просто предложил вам идею.

- Замолчи, Федя! - цыкнула на него Мария Максимовна. - При чем тут твои документы? Да, деньги нам достаются тяжелым трудом. Это сейчас я зарабатываю неплохо, а после войны нам есть нечего было. А ты про какие-то документы речь повел, - на ее глазах выступили слезы.

- Простите, я не хотел никого обидеть, - извинился Федор и закурил.

- Вот и порешили: возьмешь деньги и завтра же поедешь в город за стройматериалом. В конце концов, ты же мужик, сам сообразишь, что надо покупать, а что пока, до весны, не надо. Я правильно говорю, мам? - Мария Максимовна посмотрела на мать.

- Делайте как знаете, - махнула та рукой.

На следующий день ранним утром Федор уехал в город. В заднем кармане брюк лежали деньги, завернутые в белый носовой платок. Годовая зарплата Марии Максимовны.

По приезду в город он зашел в привокзальную столовую, намереваясь выпить пару кружек пива.

Маленькое помещение столовой было заполнено мужиками и огромной оравой цыганят и неопределенного возраста цыганок.

- Позолоти ручку, соколик. Всю твою дальнейшую жизнь в красках опишу, - схватила за руку Федора шустрая цыганка.

- Отвали от меня, радость земная, - отмахнулся от нее Федор, направляясь к прилавку:

- Две кружки пива.

- Да хоть три кружки, - приняла заказ буфетчица.

Федор опустил руку в задний карман брюк.

Носового платка с деньгами там не было.